

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

20—22 июня 2013

Россия в глобальной повестке

РАЗВОРОТ НА ВОСТОК И ПРОГРАММА РАЗВИТИЯ ВОСТОЧНОЙ

СИБИРИ

Арена

20 июня 2013

14:00—15:15, Павильон 4, Конференц-зал 4.1

Санкт-Петербург, Россия

2013

Модератор:

Ермолай Солженицын, Старший партнер, McKinsey & Company по России

Выступающие:

Ху Бинг, Президент, главный исполнительный директор, Российско-китайский инвестиционный фонд

Артем Волынец, Генеральный директор, En+ Group

Владимир Дмитриев, Председатель, Государственная корпорация «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»

Тадаши Маеда, Управляющий директор, Японский банк международного сотрудничества

Участники дискуссии:

Павел Грачев, Генеральный директор, Фонд развития Дальнего Востока и Байкальского региона

Сигэхиса Ёсихиро, Почетный председатель совета директоров, JGC Corporation

Виталий Несис, Генеральный директор, ОАО «Полиметалл»

Е. Солженицын:

Добрый день. Пожалуйста, занимайте места.

Наш круглый стол посвящен вопросам развития российского Востока, развитию Восточной Сибири. Организаторы предложили для нашего круглого стола такое название: «Разворот на Восток». Здесь, в Петербурге, где прорубалось окно на Запад, мы обсудим, кто, откуда и как будет прорубать окно на Восток.

На нашем круглом столе будут выступать Артем Олегович Волынец, генеральный директор En+ Group; господин Ху Бинг, президент и главный исполнительный директор Российско-китайского инвестиционного фонда; Владимир Александрович Дмитриев, председатель государственной корпорации «Банк развития и внешнеэкономической деятельности (Внешэкономбанк)»; господин Тадаши Маеда — управляющий директор Японского банка международного сотрудничества. В аудитории также присутствуют представители региональных органов исполнительной власти и промышленности, и мы будем вовлекать их в дискуссию.

Прежде чем обратиться с вопросами к нашим участникам, я хотел бы просто привести пару цифр, отражающих сегодняшние экономические связи России с Азией. Все мы понимаем, что центр экономической активности планеты — это Азиатско-Тихоокеанский регион, и именно с ним во многом связаны перспективы мировой экономики в XXI веке. Но если взять цифры, отражающие наше взаимодействие с этим регионом, мы увидим, что показатели поразительно низки. Сегодня на всю Азию приходится 25% внешней торговли Российской Федерации. Это, наверное, достойный показатель, отражающий настроения нашего населения, но он означает, что 75% нашей внешней торговли приходится не на мировой центр экономической активности.

Инвестиции практически отсутствуют: меньше 3% от всех инвестиций в Россию идет из стран Азии. Если мы посмотрим на обратный поток, то получим такую же картину: меньше 3% от исходящих российских инвестиций приходится на этот регион. Китай — гигантская экономика —

обеспечивает менее 1% как входящих, так и исходящих инвестиций. Сегодня мы хотели бы обсудить, почему это так.

Если говорить о поездках различного характера, то граждане Китая составляют лишь 3% от приезжающих в Россию, а граждане России — 5% от приезжающих в Китай.

Что касается демографической ситуации на российском Дальнем Востоке, то, как мы знаем, она достаточно сложна. Сейчас там проживает 6,5 миллионов человек. Население региона уменьшилось с 1992 года на 20%. Как мы будем развивать этот регион, как будем создавать новые точки роста? Можем ли мы что-либо сделать с демографической ситуацией, как-то изменить сложившуюся тенденцию? Я отниму еще буквально тридцать секунд вашего времени и оглашу две основные цели госпрограммы по развитию Дальнего Востока, которая была недавно утверждена после долгих дискуссий. Потом я хотел бы попросить каждого — в первую очередь, российских участников дискуссии — ответить на следующий вопрос: как вы относитесь к этим целям, и что, по-вашему, нужно сделать для достижения их к 2025 году, указанному в программе как ориентир?

Первая цель: «Формирование условий для ускоренного развития Дальнего Востока, превращение его в конкурентоспособный регион с диверсифицированной экономикой, в структуре которой преобладают высокотехнологичные производства с высокой добавленной стоимостью. Формируя условия для ускоренного развития Дальнего Востока, создать дополнительные возможности для развития экономики Российской Федерации».

Вторая цель: «Кардинальное улучшение социально-демографической ситуации на территории Дальнего Востока и Байкальского региона, создание условий для сокращения оттока населения из макрорегиона и обеспечение миграционного прироста с преобладанием квалифицированных специалистов при обеспечении на территории макрорегиона среднеевропейского уровня жизни населения».

Предусмотрено множество мероприятий, предусмотрено, что инвестиции до 2025 года составят 10 триллионов рублей. Три триллиона выделяются

из бюджета, остальные — из других источников. Один из вопросов: каковы эти источники? Владимир Александрович, как Вы относитесь к задачам такого масштаба — в отношении как заявленных целей, так и механизмов, используемых для их достижения?

В. Дмитриев:

Спасибо, Ермолай.

Я был участником многих дискуссий, предшествовавших подписанию этого постановления, и знаю, как тяжело дался этот документ. Считаю, что пусть лучше уж будет он, чем бесконечные дискуссии на данную тему. Естественно, цели поставлены исключительно амбициозные. Это серьезный вызов всем нам.

Вы правильно обратили внимание на то, что лишь небольшая часть из десяти триллионов рублей инвестиций поступит из бюджетных источников, а остальное — внебюджетные средства. Перед нами встает серьезнейшая проблема: как и откуда привлечь эти внебюджетные средства? Мы, как корпорация развития, вместе со структурами, входящими в сферу нашей ответственности — Российский фонд прямых инвестиций, Агентство по страхованию экспортных кредитов и инвестиций, Фонд развития Дальнего Востока и Забайкалья, а также фонд, созданный нами совместно с Китайской инвестиционной корпорацией, — будем решать задачу привлечения внебюджетных средств и частных инвестиций. Масштабы работы просто колоссальны.

Мы понимаем, что достичь двух этих целей — во-первых, обеспечить опережающее развитие региона и использование его конкурентных возможностей, а во-вторых, создать благодаря этому нормальную социальную среду, которая притягивала бы людей, не отпугивала их от региона, не толкала на отъезд — исключительно непросто. Но я еще раз повторю: наличие этой программы и определенных целей, за достижение которых будут спрашивать и чиновников, и квазигосударственные структуры, лучше бесконечных дискуссий на эту тему.

Спасибо.

Е. Солженицын:

Я посмотрел: многие из тех, кто работал с этой программой, знают, как распределяются те самые три триллиона. На каждый год приходится примерно по 300 миллиардов. Львиная доля, около 1,6 триллиона, уходит на развитие транспортной инфраструктуры, что, наверное, не удивительно. Около 500 миллиардов будет тратиться на развитие энергетической инфраструктуры и еще 500 — на строительство жилья, на выполнение программ, призванных обеспечить комфортное проживание людей.

Артем, скажите, как Вы относитесь к такому распределению средств? Каковы, с Вашей точки зрения, основные факторы, позволяющие достичь заявленных целей?

А. Волынец:

А другого билетику на этом экзамене нет?

Е. Солженицын:

Если разовьете тему, придете к другому билетику.

А. Волынец:

Вопрос сложный и неоднозначный, но я постараюсь дать на него по возможности простой ответ.

Прекрасно, что программа принята: с этим я полностью согласен. Однако эту задачу, как и любую другую, невозможно решить только за счет усилий государства. Чтобы дать толчок развитию региона, необходима частная инициатива российских и иностранных игроков. Для этого в регионе, как и во всей России, должен быть создан правильный инвестиционный климат. Если мы не можем снизить процентные ставки и ограничить рост тарифов естественных монополий в пределах всей Российской Федерации, то, может быть, ради развития Дальнего Востока попытаемся сделать это в рамках одного региона, совершив революцию там? Если это невозможно, надо создавать другие стимулы для совершения долгосрочных инвестиций.

Я говорю «долгосрочных», потому что такую огромную территорию невозможно развить за счет лишь краткосрочных инвестиций.

Мы часто говорим об инвестициях в инфраструктуру, но инфраструктура всегда привязана к конкретным проектам. Так вот, российские деньги пойдут туда, если будет обеспечен их возврат, а для этого нужно уже сейчас создать льготные условия. Туда пойдут и зарубежные деньги, если инвесторам будут доверять. На высшем государственном уровне мы делаем все возможное, чтобы установить благоприятные отношения с южными соседями, и они к нам приходят с большими деньгами. Мы надеемся, что эти деньги могут быть инвестированы именно в дальневосточный регион: для этого нужно позволить нашим коллегам из стран Южной Азии владеть активами на территории нашей страны. Ничего плохого в этом нет — только хорошее.

И самое, как мне кажется, главное: необходимы инвестиции не в ту инфраструктуру, про которую мы говорим. Необходимо вкладываться в человеческий капитал! Нам нужно создавать возможности для людей, которые живут на этой территории и 40% из которых хотят уехать. Нужно, чтобы они могли вести европейский уровень жизни, а не азиатский, хотя они живут в Азии, нужно дать им интересную работу и возможность зарабатывать деньги.

Е. Солженицын:

Вы сказали, что нужны льготные условия. Какие именно? Есть ли представление о размере этих льгот?

А. Волынец:

Во-первых, при запуске любого нового проекта на территории региона необходимо так или иначе взаимодействовать с естественными монополиями: новым предприятиям нужны железные дороги, подключение к сетям, оптимальная цена на газ и так далее. Может быть, создать для этих предприятий льготные условия — в пределах региона, если уж в масштабе всей страны это невозможно?

Во-вторых, необходимо, при условии совершения значительных инвестиций, освободить предприятие от уплаты налога на прибыль на длительный срок — даже после того, как оно выйдет на рентабельность.

В. Дмитриев:

Я бы хотел напомнить, что применительно к Дальнему Востоку и Забайкалью уже приняты соответствующие решения: освобождение инвесторов от налога на прибыль на инвестиционной стадии, льготы по налогу на имущество, которые даются местными администрациями, и целый ряд других преференций для честных инвесторов, работающих в регионе.

Е. Солженицын:

Пока что, как мы видим, масштабные инвестиции не пошли. Может быть, частные инвесторы ждут сигнала от государства в виде государственных инвестиций. Господин Ху Бинг, скажите, как Китай относится к возможности инвестиций в российский Дальний Восток и в Восточную Сибирь? Почему на сегодняшний день китайские инвестиции в Россию, да и российские инвестиции в Китай так невелики? Заинтересован ли вообще Китай в совершении инвестиций, и если да, во что он намерен инвестировать? Как Вам видится взаимная инвестиционная деятельность?

Ху Бинг:

Спасибо. Это очень хороший вопрос. Позвольте мне немного рассказать о Российско-китайском инвестиционном фонде. Мы начали работать совсем недавно, в марте, однако еще до официального начала работы осуществили первые инвестиции на Дальнем Востоке — в компанию по производству лесоматериалов, в предприятие, занимающееся лесным хозяйством. Девяносто процентов продукции этой компании экспортируется в Китай. Я не раз бывал на Дальнем Востоке даже за последние два месяца я бывал больше двух раз. На Дальнем Востоке действуют два наших проекта по трубопроводам. Почему именно там? Мы говорим о

Владивостоке, о Восточной Сибири, а это, само собой, регионы, которые требуют капиталовложений, требуют ноу-хау в области бизнеса. Они требуют, чтобы туда пришла обрабатывающая промышленность и обеспечила производство высококачественной продукции не только для местных рынков, но и для соседних стран, в том числе для Китая, Кореи и Японии. Очень интересный сектор — сельское хозяйство. Одна из компаний, которую мы изучали, весьма эффективно производит сельскохозяйственную продукцию: всё ее оборудование располагается буквально у самой границы, на китайской стороне. На китайской стороне расположено и очень хорошо развитое государственное предприятие с угодьями площадью более 400 000 гектаров. На этом предприятии применяются ультрасовременные, высококласные, передовые технологии земледелия, которые можно было бы использовать и на территориях на российской стороне. Однако с российской стороны приграничные территории расположены в глухом захолустье. Только подумайте: перелет из Москвы во Владивосток занимает около восьми часов, а из Пекина — около двух. Я думаю, что в результате основания Российско-китайского фонда мы увидим всё больше инвестиций в Дальний Восток со стороны Китая.

Отвечу на Ваш вопрос, почему именно сейчас, а не раньше. Во-первых, потому что раньше многие малые предприятия, выходявшие на этот рынок, не обладали подобной полномасштабной государственной поддержкой. Российско-китайский фонд поддерживается Правительством России и китайским руководством, что позволяет осуществлять инвестиции и при этом чувствовать себя в безопасности. Небольшим частным компаниям боязно отправляться в такие отдаленные территории, они чувствуют себя там неуверенно. Во-вторых, в последние три года на Дальнем Востоке появилось много новых инициатив, местные правительства начинают продвигать много хороших программ. Я встретился с несколькими руководителями этого региона и узнал, что у них есть агентства, привлекающие иностранные инвестиции. Во время наших встреч руководители конкретно обсудили со мной пять—шесть проектов. Они вели

себя не как дипломаты, соблюдавшие протокол, а как бизнесмены. А после встречи мне вручили флэш-карту со всеми файлами — это было очень полезно и по-деловому. За последние пару лет в этом регионе произошли радикальные перемены. Я считаю, что на Дальнем Востоке нам прежде всего нужна транспортная инфраструктура. Речь идет о трех триллионах рублей, которые нужно потратить на инфраструктуру, и есть много факторов, которые серьезно приумножают эту сумму.

Второй момент — образование. В России очень хорошая система образования, и многие китайские студенты едут учиться в Москву и Санкт-Петербург. И в таких городах, как Владивосток тоже можно создать учебные заведения очень высокого уровня, куда смогут приезжать учиться студенты из Китая, Кореи и разных стран Юго-Восточной Азии.

В-третьих, насколько мы знаем, через Владивостокский порт на Дальний Восток попадает много импортных машин и автомобилей. Мы можем создать там особую экономическую зону и способствовать локализации этих предприятий обрабатывающей промышленности. Один из руководителей упомянул о том, что хотел бы привлечь в этот регион китайских производителей автомобилей, чтобы заниматься производством прямо там, и мы предприняли конкретные шаги, чтобы этому поспособствовать.

Заглядывая в будущее, можно сказать, что если правительство найдет возможность вкладывать деньги в транспортную инфраструктуру и образование, а также поможет спонсировать в Дальневосточном регионе некоторые масштабные мероприятия вроде саммита АТЭС, это окажет людям реальную помощь. По моему опыту, когда приезжаешь на Дальний Восток, в города вроде Владивостока, там оказывается действительно хорошо и всё больше людей стремятся туда попасть.

Е. Солженицын:

У меня к Вам вопрос. Согласно правительственной статистике — правда, статистика не всегда учитывает все нюансы — Китай инвестирует в Россию около 200 миллионов долларов США в год. Очевидно, не все эти средства

попадают непосредственно в тот регион, о котором идет речь сегодня. Вы говорили о транспорте и сельском хозяйстве. Охотно ли Вам дают контроль над активами, чтобы Вы могли увеличить инвестиции в эти отрасли? Нужен ли Вам мажоритарный контроль? Господин Волюнец упоминал о том, что нам надо безо всяких опасений позволять китайским компаниям приобретать российские активы. Видите ли Вы какие-то препятствия, какие-то проволочки, мешающие китайским компаниям или инвестиционным агентствам приобретать контрольные пакеты акций в российских активах?

Ху Бинг:

Хорошие вопросы. Прежде всего, позвольте отметить, что со статистикой должен быть лучше знаком господин Кирилл Дмитриев, мой друг, руководитель Российского фонда прямых инвестиций (РФПИ) и председатель нашего Российско-китайского инвестиционного фонда. Сумма, которую Вы назвали, определенно неточная: в последние два года я лично работал с «ВТБ», с Российским фондом прямых инвестиций, и мы инвестировали в Россию четыре миллиарда долларов США, не считая миллиарда долларов США, переданного в Российско-китайский инвестиционный фонд. Только за прошлый, 2012 год мы инвестировали в Россию более трех миллиардов долларов США — однако, Вы правы, не в Дальний Восток. На Дальнем Востоке мы инвестировали лишь около 150 миллионов долларов США в лесное хозяйство совместно с Российским фондом прямых инвестиций. Вновь заглядывая в будущее, я думаю, что РФПИ поможет привлечь новых инвесторов. Инвестиции в этот регион пойдут.

Вы говорили о препятствиях и сложностях. Позвольте мне прояснить этот вопрос. Во-первых, Китайской инвестиционной корпорации (CIC) мажоритарный контроль не нужен. Никакая часть упомянутых четырех с лишним миллиардов долларов не обеспечила нам мажоритарный контроль. Думаю, большинство инвестиций было в 5—10—12%. Однако Вы правы. Иногда, когда имеешь дело с маленькими компаниями, если обыкновенные рыночные акции компании составляют всего 100 миллионов долларов США,

а ты инвестируешь 50 миллионов долларов США, получается 50%. А здесь, в России, есть закон, что если ты иностранный инвестор и инвестиции превышают определенный процент, нужно получить особое разрешение. То же самое можно сказать и о нестратегических активах. CIC — это финансовый инвестор. Российско-Китайский инвестиционный фонд — тоже финансовый инвестор, так что у нас здесь нет никакой стратегической точки зрения. Однако иногда, когда мы доходим до 20—25%, когда требуется получить разрешение, нам хотелось бы, чтобы эта процедура проходила быстрее. Она иногда занимает от полугода до года. Если это публичная рыночная сделка, и вторая сторона говорит, что завершить сделку и получить разрешение ты сможешь только через полгода, то она, по сути дела, говорит: «Извините, но об этом забудьте. Мы этого делать не будем». Так что я думаю, что если в будущем вам удастся заставить государственные органы ускорить этот процесс, то будет лучше.

Упомяну и другое препятствие, с которым сталкиваются компании на Дальнем Востоке: когда открываешь свое дело, хочется уяснить для себя, сколько придется платить налогов, какие законы и правила нужно соблюдать, каково трудовое законодательство. И всё это должно быть на 100% прозрачно, иначе никак. А потом, когда подаешь документы, хочется располагать точными сроками. Например, знать, что для ответа на деловой запрос отведено, скажем, 20 рабочих дней. Тогда предприятие будет знать, как ему действовать в условиях ограниченного времени. Спасибо.

Е. Солженицын:

Задам Вам еще один небольшой вопрос. С 1960-х — 1970-х годов Россия испытывает едва ли не мифологический страх: у нас столько земли и ресурсов, а в Китае такое большое население, что есть риск, что в какой-то момент Китай захочет нарушить границу и захватить нашу территорию. Что вы ответите на это замечание?

Ху Бинг:

Прежде всего, обе страны подчиняются законам. Сейчас Китай — страна с одной из самых быстроразвивающихся экономик в мире. Если китайская экономика будет развиваться так же хорошо, вам не надо об этом тревожиться, потому что этим людям нужно только одно — зарабатывать деньги.

Е. Солженицын:

Значит, мы будем пристально следить за ростом и развитием китайской экономики по стратегическим и тактическим причинам. Господин Маеда, как видятся все эти обстоятельства с точки зрения Японии?

Т. Маеда:

У нас долгая история инвестиций в российский Дальний Восток: этот процесс идет еще с советской эпохи — мы инвестируем уже много десятков лет. Однако сейчас инвестиционный фокус смещается с нефти, газа и угля на новые отрасли промышленности, которые можно развивать на российском Дальнем Востоке. Например, Японский банк международного сотрудничества запустил в декабре совместную инвестиционную платформу с РФПИ, однако она финансируется не так, как Российско-Китайский фонд. Главная особенность этой совместной инвестиционной платформы — применение ультрасовременных технологий, например smart communities или сбалансированной системы медицинского обслуживания — интегрированной системы, которая готова к внедрению на российском Дальнем Востоке. Помимо инвестиций в ископаемое топливо, мы также инвестируем в промышленный сектор Дальнего Востока. Например, наша ведущая автомобильная компания Toyota уже осуществила значительные инвестиции во Владивостоке. Однако вся автомобильная продукция будет поставляться с российского Дальнего Востока в европейскую часть России по Транссибирской железнодорожной магистрали. А это значит, что, хотя российский Дальний Восток и представляет собой промышленный центр, японцы еще не поняли, что там существует настоящий рынок. Именно мы

должны сделать российский Дальний Восток центром торжества новых технологий.

Еще раз подчеркну: новый подход к российскому Дальнему Востоку со стороны Японии. Российский Дальний Восток — наш сосед, центр тяжести мировой экономики сместился с Европы на Азиатско-Тихоокеанский регион, у Китая с Россией общая граница. У нас с Россией сухопутной границы нет, однако она все равно наш сосед, это очевидно. Мы намерены создать региональную экономическую зону в Северо-Восточной Азии, более процветающем регионе, посредством сотрудничества между соседями: китайцами, японцами, корейцами и так далее. А конечная цель нашей работы — сделать российский Дальний Восток частью этого центра превосходной экономики. Работа предстоит большая, но мы уже начали подходить к российскому Дальнему Востоку совершенно по-новому.

Е. Солженицын:

Каков же может быть вклад России в подобный технологический центр? Какой смысл инвесторам вкладывать средства в технологическую деятельность на российском Дальнем Востоке, когда поблизости и Япония, и Корея, и Китай? Может быть, Дальний Восток привлекателен в основном для инвестиций в сырье?

Т. Маеда:

Да, это так. Однако, как Вы уже сказали, население российского Дальнего Востока на протяжении многих лет устойчиво сокращается. За последние 20 лет он уже потерял 20% своего населения. Поэтому и нужна какая-то экономическая зона — чтобы задействовать обширную территорию, а заодно перенести часть технологического потенциала из европейской части России и развернуть его на Дальнем Востоке. Это вопрос распределения ресурсов Правительством России. Мы не вмешиваемся в его решение, но нам, разумеется, нужна сильная и стабильная поддержка российского Правительства. Во время переговоров с РФПИ о создании совместной инвестиционной платформы мы согласились считать некоторые секторы

приоритетными. РФПИ считает основным приоритетом развитие российского Дальнего Востока, а не просто добычу нефти и газа. Япония продолжает инвестиции и за рамками этой совместной инвестиционной платформы, однако это отдельный вопрос, тоже не имеющий отношения к нефтегазовой отрасли. Поэтому мы должны сознательно двигаться в обозначенном направлении, заручившись сильной поддержкой Правительства России. Вот что я хотел сказать.

Х. Бинг:

Можно мне прокомментировать этот вопрос? Мне кажется, при ответе на него следует учитывать несколько факторов. Во-первых, дело не в том, что раньше международные инвесторы не интересовались подобного рода инвестициями. Дело в том, что десять лет назад Россия была к этому еще не готова. Не готова она была по двум важным причинам. Во-первых, законодательство и бизнес-среда не были готовы к приходу иностранных инвесторов. Они беспокоились, что если сюда придут инвестиции, предприятия захватит кто-то другой. Однако я думаю, что теперь, после десяти лет работы, все поняли: вести бизнес можно не только в Москве и Санкт-Петербурге — это безопасно делать и на Дальнем Востоке. Во-вторых, в последние десять лет российский средний класс превратился в очень существенную потребительскую силу, и производство товаров народного потребления в России может быть делом очень прибыльным. А третье, что я хочу сказать, — у России есть большие возможности по замещению импорта. Большинство потребительских товаров поступает на ее рынок от внутренних производителей. Так что если вы умный бизнесмен, действующий на международном уровне, имеет смысл открыть здесь свои заводы, чтобы производить товары здесь и продавать их на местном рынке.

Е. Солженицын:

Большинство инвесторов строит заводы в окрестностях Санкт-Петербурга, а не то чтобы поближе к Дальнему Востоку. Как у нас говорят, шесть миллионов — маленький рынок.

А. Волынец:

Однако с Дальнего Востока очень легко обслуживать азиатский рынок, особенно если ты в состоянии производить на Дальнем Востоке и в Сибири товары, которые можно экспортировать в Азию.

Е. Солженицын:

Назовите примеры товаров, которые можно производить на Дальнем Востоке и экспортировать в Азию, выдерживая конкуренцию.

Х. Бинг:

Хорошо, приведу один пример. В сущности, можно транспортировать на Дальний Восток газ, а потом экспортировать в Азию нефтехимические продукты. Во-вторых, в России очень хорошо развита фармацевтическая промышленность: можно развернуть производство на Дальнем Востоке и даже в приграничных китайских городах, а продавать продукцию в Китае. Когда я был во Владивостоке, один китайский предприниматель сказал мне, что у него совместное предприятие с российским партнером: они производят фармацевтическую продукцию в России и на китайском Дальнем Востоке и продают ее на китайском рынке.

Е. Солженицын:

Отличный пример. Надеюсь, подобного у нас будет всё больше и больше. Я хотел бы задать три вопроса Владимиру Владимировичу Миклушевскому, губернатору Приморского края. Первый вопрос: что, с Вашей точки зрения, эта госпрограмма дает краю, что вы хотите дополнительно получить от федерального центра и что нужно вам от него вообще? Второй вопрос: как Вы представляете себе интеграцию в азиатский регион, насколько уже интегрированы в него Владивосток и Приморский край, насколько регион может быть интегрирован, где границы этой интеграции и каковы ее направления? Третий вопрос касается демографии: уезжают ли люди из края? Если да, то кто уезжает, приезжают ли во Владивосток люди из

других населенных пунктов региона, где численность населения падает? Мне хотелось бы, чтобы Вы высказались на эти темы и, может быть, на какие-нибудь еще: нам будет интересно знать, как все это видится с востока страны.

В. Миклушевский:

Большое спасибо.

Начну с первого вопроса. В дискуссии уже прозвучала точка зрения на госпрограмму, с которой я готов согласиться. Эту госпрограмму нельзя рассматривать отдельно от работы по привлечению частных инвестиций и производству серьезных вложений в человеческий капитал. На последнем пункте я готов остановиться чуть подробнее, потому что он как раз связан с Вашим третьим вопросом. Прежде всего, хочу сказать, что те пессимистические настроения, которые существуют у многих экспертов, не подтверждаются статистикой — во всяком случае, по Приморью. В прошлом году у нас пока еще наблюдался отрицательный демографический и миграционный баланс, но этот отрицательный показатель соответствует 0,15% от населения края. Другими словами, цифры близки к значению статистической погрешности и не являются критичными.

Конечно, мы поставили задачу сделать и тот, и другой баланс положительными. Большая проблема заключается в том, что уезжают лучшие, и здесь я готов согласиться со многими критиками: равноценной замены этим людям среди приезжающих зачастую найти невозможно. Это заставляет меня, как губернатора, задуматься об инвестициях в человеческий капитал, о создании достойных условий жизни в Приморье. Здесь говорилось о том, что европейский уровень жизни выше азиатского, а я бы сказал, что сейчас все наоборот: азиатская модель потребления имеет большие преимущества перед европейской, и социальные условия в Азии во многом лучше. Границы открыты, люди много ездят и имеют возможность сравнивать, и мы обязаны отвечать на этот вызов. Если мы не

будем отвечать на него, то получим как раз те проблемы, о которых сейчас говорим.

В этой связи я могу сказать, что нами предпринимается достаточно много усилий, начиная от реализации указов Президента, в том числе указа от 7 мая 2012 года «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» и заканчивая различными местными инициативами. Не так давно я инициировал законопроект, который уже внесен в Законодательное собрание — о бесплатном предоставлении участков для строительства малоэтажного жилья семьям, имеющим двух детей и молодым семьям, где возраст супругов не превышает 35 лет. Это стало возможным благодаря передаче краю большого количества земель Министерства обороны. Я считаю, что это политическая задача, потому что эти меры могут не только воспрепятствовать оттоку населения, но и стимулировать его последующий приток. Обретая землю, обретая собственное жилье на этой земле, человек так или иначе укореняется на ней.

Что касается Вашего второго вопроса, то я бы хотел подчеркнуть особую роль Приморья. Только что прошла дискуссия относительно экспортного потенциала. Я отношусь к тем, кто считает необходимым ориентироваться на экспорт: на Дальнем Востоке живет не так много людей, рынок не очень большой. Безусловно, на этот рынок тоже надо ориентироваться, про него не надо забывать, но мы должны помнить и о том, что, например, в часе полета от Владивостока живет 400 миллионов человек. Ни один российский регион не может сравниться с этими территориями по численности населения, и данное обстоятельство надо использовать.

Кстати говоря, во Владивостоке и в Приморье в целом существуют экспортно-ориентированные производства — например, в лесной промышленности. Туда вложено много японских инвестиций, и они дают не круглый лес, а продукты глубокой переработки древесины. Здесь упоминались углеводороды. В Приморье есть нефтеналивной терминал, будет осуществляться проект по сжижению газа, но одновременно с этим налаживается нефтехимическое и газохимическое производство. Вместе с

южнокорейскими и японскими автомобильными компаниями реализован проект компании Sollers, который пока не является экспортно-ориентированным. Совместно с компанией Hyundai Heavy Industries построен завод по производству электротехнического оборудования, продукция которого будет идти не только на внутренний рынок, но и на экспорт. Ну и, конечно же, край обладает огромным туристическим потенциалом, поэтому для нас очень важен проект создания комплексного курорта в игровой зоне близ Артема. Мы считаем, что он привлечет в Приморье много туристов из близлежащих регионов.

В заключение скажу, что в Приморье находятся два международных транспортных коридора, «Приморье-1» и «Приморье-2», которые связывают с китайской границей порты Восточный и Троица соответственно. Северо-Восточный Китай, как известно, не имеет выхода к морю, и наличие такого рода транзитных коридоров, при правильной организации их работы, позволит нам получить значительные доходы от транспортировки, а нашим китайским партнерам — развить северо-восточные провинции.

Спасибо.

Е. Солженицын:

Владимир Владимирович, еще один вопрос. В программе, если не ошибаюсь, фигурирует следующая подцель: сделать так, чтобы экономический рост в регионе на 1,5% превышал рост по России в среднем. Российская экономика растет на 2—3% в год, такие цифры называются. В Китае, понятно, цифры на порядок больше — даже сейчас, после некоторой корректировки. Правильно ли рассчитывать на то, что темпы роста экономики Приморья будут таким же, как в Китае? Надо ли стремиться к этому?

В. Миклушевский:

Мы не очень любим говорить о себе в позитивном духе, хотя стоило бы. В прошлом году темпы роста экономики Приморья составили 5,1% — в полтора раза выше, чем в среднем по России, выше, чем в Южной Корее,

но ниже, чем в Китае. Уже сегодня наши показатели значительно превышают среднероссийские и, в общем-то, сравнимы с показателями наших соседей.

Е. Солженицын:

Последний вопрос: боятся ли жители Приморья интеграции, открытости, в первую, очередь по отношению к Китаю? Боятся ли они экономической и, может быть, психологической оккупации? Есть ли такая проблема? Как вы ее решаете?

В. Миклушевский:

Мне кажется, такой проблемы не существует.

Е. Солженицын:

Хорошо, я просто уточнил. Большое спасибо.

Я хотел задать два вопроса Павлу Сергеевичу Грачеву, который руководит Фондом развития Дальнего Востока и Байкальского региона. Первый — тот, который задается всем: что нужно, чтобы инвестиции приходили, куда они должны приходиться и каковы перспективы в этом отношении?

Второй вопрос: глядя со стороны, кажется, что у нас великое множество федеральных органов и организаций развития, решающих проблемы Дальнего Востока. Есть Минэкономразвития, есть Минрегионразвития, появилось Министерство по развитию Дальнего Востока. Существует Российский фонд прямых инвестиций, работающий вместе с Российско-китайским инвестиционным фондом, есть Фонд развития Дальнего Востока. К кому обращаться тем инвесторам, которые хотят вкладывать деньги? У нас имеется множество действующих лиц, но есть ли какое-то первое окно, куда надо обращаться? Как бы Вы это прокомментировали?

П. Грачев:

Спасибо. Говоря о проблемах, которые нужно решать, чтобы привлекать инвестиции на Дальний Восток, расскажу, с чем столкнулись мы. Вопреки

расхожему мнению, на Дальнем Востоке и в Забайкальском регионе есть огромное количество инфраструктурных и отраслевых проектов. Более того, есть деньги, и частные, и государственные, которые инвесторы готовы вкладывать в такие проекты. Этого не происходит из-за недостатков системы регулирования такого рода инвестиций, прежде всего, недостатков законодательства. Отсутствует возможность структурировать эти проекты с совершением инвестиций на возвратной основе и использованием государственной поддержки там, где это необходимо. Что я имею в виду? В первую очередь необходимо как можно скорее ввести индивидуальные долгосрочные тарифы на электроэнергию и железнодорожные перевозки. Это моментально разблокирует рынок инвестиций в энергетическую и железнодорожную инфраструктуру и позволит структурировать эти инвестиции на возвратной основе, то есть возмещать инвесторам вложенные ими деньги за счет выручки от проектов.

Далее, необходим так называемый механизм частной инициативы (PII, private investment initiative) для инициации инфраструктурных проектов. Зачастую проекты есть, о них все знают, очевидность и необходимость их реализации никем не ставится под сомнение — но для доведения их до инвестиционной стадии должна быть проделана подготовительная, проектная работа, нужны пусть небольшие, но все же затраты на структурирование этих проектов. И частный инвестор, и государство смотрят друг на друга, никто не решается взять инициативу в свои руки, чтобы пройти эту предынвестиционную фазу, вывести этот проект на конкурс и предложить его широкому кругу инвесторов. К тому же, у государства часто нет денег. Все это нужно делать также на уровне концессионного законодательства и законодательства о государственных закупках и связанных актах.

Наконец — этот вопрос тоже дискутируется годами — следует задействовать применяемый во всем мире механизм использования будущих налоговых поступлений для адресного субсидирования конкретных инвестиционных проектов — так называемый TIF, tax increment financing, — который позволяет, опять-таки на индивидуальной основе,

адресно использовать будущие налоги для финансирования инвестиций в инфраструктуру.

Еще раз: эти три вещи лежат на поверхности и, как я уже сказал, годами обсуждаются на уровне правительства. Но из-за понятных опасений Минфина и других органов эти механизмы не внедряются на федеральном уровне. Я согласен с тезисом Артема о том, что правильно было бы, с учетом этого отложенного спроса, попробовать внедрить их в рамках пилотных проектов на Дальнем Востоке. Не думаю, что будут какие-то негативные последствия. Это позволит постепенно внедрить их потом и на федеральном уровне.

Теперь — о множестве государственных и окологосударственных органов, занимающихся Дальним Востоком. С одной стороны, это показатель внимания, которое государство уделяет этому региону, что хорошо. С другой стороны, есть некоторое дублирование функций, особенно в глазах внешних наблюдателей, которые не всегда разбираются во внутренних регламентах, положениях и так далее. Тем не менее, существует достаточно четкое разделение функциональных обязанностей между политическими органами, включая Министерство развития Дальнего Востока, и экономическими или бизнес-ориентированными институтами, в первую очередь, «Внешэкономбанком», Фондом прямых инвестиций и нашей организацией, которая используют государственные или квазигосударственные деньги для продвижения тех или иных инвестиционных проектов.

О Фонде развития Дальнего Востока. Наша миссия заключается прежде всего в структурировании и подготовке greenfield-проектов, чтобы они могли быть предложены потенциальным инвесторам. Мы занимаемся, например, структурированием проектов по строительству мостов и сегодня утром подписали с китайскими коллегами из руководства Харбинской железной дороги (провинция Хэйлунцзян) соглашение о строительстве моста через реку Амур в районе китайского города Тунцзян и нашего Нижнеленинска. Мы занимаемся инвестициями в российские аэропорты. Через полчаса мы подписываем соглашение с сингапурской компанией Changi Airports о

развитии аэропорта Владивостока. В этом мероприятии участвует Владимир Владимирович. Мы активно обсуждаем проекты строительства дорожной инфраструктуры в этих регионах, в том числе в консорциуме с другими организациями и инвесторами. Но в целом речь идет именно о «длинных» инвестиционных проектах, которые начинают реализовываться с нуля.

Е. Солженицын:

Итак, если подытожить, основной барьер сейчас — законодательный, Вы считаете, что экономика в принципе работает, деньги есть, проекты есть, причем должного качества, но не хватает законодательной базы. Правильно я Вас понял?

П. Грачев:

Я бы сказал, что не хватает законодательной базы в широком смысле слова. Речь идет не только о федеральном законодательстве, но и о практике его применения, и о регламентах, которые разрабатываются на местах. Существующее или уже будущее законодательство получает толкование, исходящее от правоохранительных органов.

Е. Солженицын:

Это общероссийская тематика, как я понимаю, а не специфика региона. Виталий Несис. Ваша компания «Полиметалл» создавала многие предприятия горнометаллургической отрасли практически с нуля. В этом смысле Вы — хороший пример инвестора в регион Дальнего Востока. Каковы там условия для инвесторов: экономические, инфраструктурные, регуляторные? Над чем, как Вам кажется, нужно работать всем заинтересованным сторонам, чтобы инвестору стало легче — особенно в сырьевых отраслях, которые будут играть там важную роль.

В. Несис:

Я полностью согласен с Артемом Волынцом и с Павлом Грачевым относительно того, что государство должно создавать условия наибольшего благоприятствования для инвестиций в Дальний Восток. Хотелось бы отметить, что, конечно же, инфраструктура очень важна, но важно и то, что постепенно истощаются месторождения, открытые в советское время. Сегодня первостепенной является проблема обнаружения таких объектов минерально-сырьевой базы, которые могли бы обеспечить экономический рост в долгосрочной перспективе. Я считаю, что создание новых рабочих мест, особенно интересных — эта задача, которая по силам мощной геологоразведочной отрасли региона. С моей точки зрения, Дальний Восток созрел для более смелой государственной политики в области недропользования, особенно если говорить о твердых полезных ископаемых. Речь идет об определенном ослаблении федерального контроля процесса лицензирования, о предоставлении частным недропользователям возможности выбирать участки для геологоразведки по собственной инициативе. Возможно, следует также делегировать часть полномочий федерального центра по согласованию проектов разработки новых месторождений на региональный уровень.

Это позволит создать большое количество рабочих мест не путем реализации ограниченного количества крупных проектов, а в рамках множества мелких, достаточно трудоинтенсивных проектов. Людям будет предложена интересная работа. Это также позволит регионам Дальнего Востока конкурировать между собой за создание условий наибольшего благоприятствования, за достаточно мобильный геологоразведочный капитал — которого, кстати, для первоначальных инвестиций нужно немного. Подобные мероприятия не требуют фискальных поблажек со стороны государства или государственных инвестиций: необходимо лишь целенаправленное изменение законодательной базы и большее доверие к частной инициативе в области геологоразведки и освоения полезных ископаемых — как минимум, твердых.

Е. Солженицын:

Вы упомянули комментарии, которые делались по поводу инфраструктуры и льготных условий. Скажите, в энергетической и транспортной отраслях издержки и, соответственно, льготы что-нибудь решают — или проблема здесь тоже в пропускной способности и общем количестве мощностей? Что нам следует делать, совершенствуя инфраструктуру Дальнего Востока: повышать качество продукта или расширять существующие мощности и строить дополнительные?

В. Несис:

Мне сложно говорить за всех. Я представляю достаточно специфический сегмент горнометаллургической отрасли — промышленность по производству золота и серебра, сравнительно независимую от транспортной инфраструктуры и не очень энергоемкую. Я бы сказал, что для добычи твердых полезных ископаемых на Дальнем Востоке главной проблемой являются энергосети. В целом же, касаясь долгосрочных структурных ограничений экономического роста в регионе, я бы поставил на первое место не дорожную или энергетическую инфраструктуру, а именно человеческий капитал и необходимость привлечения в регион квалифицированных специалистов. Это вопрос, конечно же, очень сложный, но при формировании программ долгосрочных государственных инвестиций в регион обязательно надо учитывать качество жизни — в частности, такие вещи, как, транспортное сообщение между регионом и центральными районами страны. Понятно, что если кто-то приедет на Дальний Восток, то это будут люди из Европейской России, оставившие там друзей и родственников. В настоящее время одним из основных ограничений является очень высокая цена авиабилетов на рейсы с Дальнего Востока в центральную часть страны.

А. Волынец:

Отвечу на Ваш вопрос: надо делать и то и другое. Цены высоки не только у естественных монополий. Тарифы на железнодорожные перевозки с 1999 года выросли более чем на 75%, тарифы на газ в Сибири сейчас выше, чем

где-нибудь в Миннесоте. Соответственно, Россия быстро теряет одно из конкурентных преимуществ, которые у нее еще недавно оставались, — сравнительно низкие цены. Несколько слов о пропускной способности: пропускная способность российских железных дорог в сторону дальневосточных портов составляет 60 миллионов тонн, пропускная способность российских дальневосточных портов на экспорт — 70 миллионов тонн, а одного шанхайского порта — 600 миллионов тонн. Таким образом, следует в достаточно короткий срок осуществить масштабные инвестиции для расширения этих bottle necks. Павел абсолютно правильно говорит о необходимости конкретных точечных субсидий для новых предприятий, чтобы они просто могли выживать. Сегодня в России тарифы на электроэнергию, на железнодорожные перевозки, на базовые инфраструктурные вещи уже превышают тарифы, действующие в таких развитых странах, как, например, Соединенные Штаты Америки.

Е. Солженицын:

Как же быть? Смотрите, Артем: получается, что мы уже подошли к пределу конкурентоспособности из-за роста тарифов, а нам еще надо думать, какими будут эти тарифы через десять лет. К тому же Вы говорите, что нужно вложить много денег в инфраструктуру. Эти инвестиции так или иначе войдут все в тот же тариф. Тогда и себестоимость экспортных продуктов будет расти. Может ли государство сделать какие-нибудь вливания, или это вопрос развития конкуренции и осуществления институциональных реформ?

А. Волынец:

Для начала неплохо хотя бы сравнить наши ставки рефинансирования с теми ставками, по которым можно получить кредит на эти замечательные проекты в других странах мира. В развитых странах средняя ставка рефинансирования составляет 1,2%, в развивающихся — около 5%, в России — свыше 8%. Нужно иметь возможность вкладываться в развитие железнодорожной и портовой инфраструктуры и так далее, чтобы

увеличить количество продукта. Чем больше продукта, тем ниже у него будет цена. Необходимо иметь длинные долгосрочные деньги. Я очень надеюсь, что какие-то деньги нам принесут китайские друзья. А какие-то нужно взять у наших государственных институтов, но не по тем ставкам, которые сейчас действуют.

Е. Солженицын:

По ставкам?

В. Дмитриев:

Я имею в виду ставку рефинансирования: вся эта дискуссия вращается вокруг ставки рефинансирования. Вчера Президент встречался с представителями российских деловых кругов, шла вполне неформальная и откровенная беседа. Среди прочего, затрагивался и вопрос о ставках кредитования. На самом деле, эта тема имеет отношение не столько к ставке рефинансирования, сколько к чистой процентной марже, которую закладывают банки, в том числе банки с государственным участием. Официальная статистика говорит о том, что порой чистая процентная маржа — то есть сумма, которую банк зарабатывает на клиенте — у государственных и коммерческих банков составляет от 5 до 7%. Это безумная маржа, безумный заработок. И не всегда риски для банка, связанные с заемщиком, соответствуют этой чистой процентной марже.

Мы говорили вчера и о том, что инфляция, возможно, играет не столь существенную роль, потому что банки зарабатывают на оборачиваемости средств, направляемых на финансирование проектов. Здесь тоже сложилась интересная ситуация. Говорят, что наша экономика перегрета, что рост кредитования реального сектора выше, чем в других странах с развивающейся экономикой — Китае, Индии и так далее. Официальная статистика говорит — я отхожу от дальневосточной тематики, иллюстрируя ситуацию в целом, — что в 2012 году на финансирование сделок слияния и поглощения было направлено полтора триллиона рублей. Эта цифра ровно в два раза выше, чем выделенная российскими банками сумма,

направленная на обновление основных средств предприятий. Мы отчитываемся перед Центральным банком о том, что кредитруем экономику, а на самом деле кредитруем переход средств из кармана одного олигарха в карман другого. Несомненно, государство должно избирательно подходить к кредитованию реального сектора. В то же время здесь скрыты колоссальные резервы для того, чтобы вместе с государством финансировать проекты, которые являются ключевыми для экономики страны или осуществляются в важнейших регионах. Всего таких регионов три: Северный Кавказ, Калининградская область и Дальний Восток.

Пусть извинит меня губернатор Приморья, но Дальний Восток запущен, туда нужно направить все. Многие из того, о чем мы сейчас говорим, связано даже не с коренным изменением законодательной базы, сколько с желанием или нежеланием правильно администрировать. Павел говорил о так называемых TIF'ах; проблема состоит в том, чтобы правильно распределять те налоги, которые появятся вследствие создания дополнительных производств, новых рабочих мест и так далее.

Приведу несколько цифр из нашей практики. Сейчас «Внешэкономбанк» финансирует в регионе порядка 20% проектов, общий бюджет которых составляет чуть меньше 500 миллиардов рублей. От реализации этих проектов государство получит 350 миллиардов рублей: это при том, что проекты реализуются частным бизнесом, который использует собственные средства и заемные средства. А если государство направит средства Фонда национального благосостояния, на реализацию дополнительных проектов в сфере инфраструктуры, осуществляемых в интересах комплексного развития территории? Сейчас, насколько я помню, средства ФНБ приносят государственному бюджету в среднем 1,5% годовых. Вполне реально, с учетом будущих налоговых поступлений, направлять часть этих средств на развитие инфраструктуры, что даст толчок развитию новых производств. Слава богу, соответствующие решения уже приняты.

Е. Солженицын:

Владимир Александрович, можно задать Вам немного провокационный вопрос? Вы видите целостную картину приоритетов развития в нашей стране. Есть мнение, что у нас много сфер, финансирование которых недостаточно: образование, здравоохранение и так далее. В их числе — инфраструктура в европейской части страны, где плотность населения достаточно высока, а отдача от многих проектов более предсказуема. Как бы Вы ответили на такой вопрос: разве у нас нет проблем, касающихся более значительной части? Разве государственные средства не надо в первую очередь направлять на их решение? Дальний Восток — это, конечно, хорошо, но это огромные просторы, населения там почти нет. Эти огромные деньги не принесут большой пользы остальным 130 миллионам россиян. Заранее предупреждаю: вопрос провокационный. Как бы Вы ответили на него?

В. Дмитриев:

Ермолай, на этот вопрос ответ уже дан: нам нужно развивать Дальний Восток. Это Россия, это россияне, это возможности, которые еще не реализованы. В европейской части России нет неразведанных месторождений, там слишком высока плотность размещения производственных предприятий. Если все соглашается с тем, что Дальний Восток обладает мощнейшим экспортным потенциалом, то для меня ответ на этот вопрос очевиден: нужно идти туда, нужно развивать экономику, нужно искать способы совместной работы государства и частных, в том числе иностранных, инвесторов в этом регионе.

Е. Солженицын:

Спасибо.

Среди участников нашей дискуссии — господин Сигэхиса Ёсихиро, почетный председатель совета директоров JGC Corporation.

Господин Сигэхиса, вы слушали нашу дискуссию и выступления российской стороны и стороны иностранных участников местной экономики. Что Вы посоветуете Правительству России, российским бизнесменам и

зарубежным инвесторам — всем нам, кто размышляет о развитии потенциала этого региона?

Ё. Сигэхиса:

Позвольте сказать, что здесь, на этом Форуме, Президент Путин выступил с пятнадцатиминутной речью и сказал: «Давайте отправимся на Восток!» Заметьте, на Восток а не в сторону Европы. Такова была суть его выступления, и оно произвело сильное впечатление. В европейской части России живет почти 80% населения, однако я искренне надеюсь, что люди потянутся оттуда на Восток. Если на Востоке не будет российского населения, у нас, наверное, ничего не получится развить. Надеюсь, вы меня понимаете. Я энергетический подрядчик — крупнейший в мире энергетический подрядчик. Когда речь идет об энергии, то я говорю: «Отлично, дайте мне работу». В данный момент мы осуществляем энергетический проект в Омане совместно с французскими компаниями. Однако у этой работы есть две фазы. Первая — выполнить работу, то есть осуществить инженерные расчеты и строительство. А еще мы — частный инвестор, который осуществляет инвестиции во многие страны, даже в Китай, где мы строим smart city — «умный город». Мы любим китайский народ и поэтому будем стараться изо всех сил. В Индии мы строим промышленный город в районе Ченнаи. Почему не во Владивостоке? Мы бы с удовольствием это сделали, дайте нам только возможность. Мы будем инвестировать в развитие и построим компактный «умный город» во Владивостоке или в любой другой части Восточной Сибири. Куда еще мы можем инвестировать? Кто-то упомянул фармацевтическую продукцию — да, мы осуществляем инвестиции в Камбодже, которая находится в Восточной Азии. А как насчет сельского хозяйства? Мы уверены, что с помощью наших технологий мы можем самым удобным и эффективным образом развить любое предприятие как в фармацевтической отрасли, так и в области сельского хозяйства. Я готов инвестировать в эту сферу. Мы можем сделать очень многое. Пожалуйста, дайте нам возможность сотрудничать с населением России.

Е. Солженицын:

Выскажусь насчет Вашего комментария относительно того, что надо переезжать, что люди должны ехать на Восток. Население Дальнего Востока — 6,5 миллиона человек. Допустим, переедут два миллиона: это будет масштабный сдвиг. Может быть, надо разработать какие-то программы, например, выдавать подъемные? Перед нашей встречей я ознакомился с программой для Аляски: каждому жителю Аляски платят от 1000 до 2000 долларов. Не знаю, насколько связаны между собой эти факты, но за последние 30 лет население Аляски каждый год росло на 2,5%, а население США в целом — на 1,5%.

Опять обращаюсь с вопросом к Вам, Владимир Владимирович. Еще один метод обеспечения демографического роста — поощрение иммиграции из других стран. Если взять Калифорнию или другие западные штаты Америки, то там, наверное, половина жителей — иммигранты из Латинской Америки, по крайней мере, во втором поколении. Какой процент населения Дальнего Востока, Приморья составляют приезжие из других стран и что Вы думаете о перспективах, ждущих нас в ближайшие 10—20 лет? Какой процент могли бы составить иммигранты из азиатских стран?

В. Миклушевский:

Если можно, я начну немножко с другого, с вопроса, который Вы задали Владимир Александровичу — относительно того, нужно ли развивать российский Дальний Восток? Уже было сказано, что там живут россияне, достойные лучших условий. Россия — одновременно европейская и азиатская страна. В Европе кризис, как известно, мировой экономический рост сместился в Азиатско-Тихоокеанский регион. Поэтому было бы глупо не развивать российский Дальний Восток, не использовать имеющиеся у нас преимущества. Мне кажется, все должны понимать важность этого.

Теперь о демографии, о росте населения. Вы говорили о двух миллионах человек. Я считаю, что это вполне реально, никаких проблем нет. Мы должны ориентироваться прежде всего на россиян, на тех, кто живет в

европейской части страны и на Урале: они могли бы поехать и помочь развивать проекты на Дальнем Востоке. Однако, на мой взгляд, количество не столь важно. Сегодня мы уже несколько раз касались производительности труда и проектов, на которых она должна быть высокой. Делая инвестиции, наши соседи могли бы улучшить ситуацию в этом отношении на Дальнем Востоке и в Приморье. Когда я готовился к итоговому заседанию коллегии Минрегиона, мои подчиненные представили данные о производительности труда в среднем по Приморью и в компании Sollers. Я был просто поражен — и хочу эту цифру озвучить. В компании Sollers производительность труда в 14 раз выше, чем в среднем по Приморью.

Другой пример, который я уже приводил — лесоперерабатывающее предприятие, созданное вместе с японскими инвесторами. Заводом по распилке бревен управляет бригада из семи человек: пять слесарей и два оператора, каждый из которых манипулирует двумя джойстиком. Я это говорю к тому, что бурный рост численности населения нам, может быть, и не нужен: нам нужны, прежде всего производства с высокой производительностью труда.

Если говорить о притоке населения из азиатских стран в Приморье, он так или иначе происходит, но не достигает критических размеров. Так, граждане Китайской Народной Республики, которые работают в Приморье, составляют 1—2% населения. Думаю, что использовать зарубежные трудовые ресурсы, использовать труд мигрантов нам в любом случае придется, но мы не должны при разработке своей политики ставить это во главу угла.

Е. Солженицын:

Спасибо. Полагаю, что мигранты могут быть на разных ролях. Например, в Азии в последние годы работало много инженеров.

Я не удивлюсь, если через год на этом или на каком-то другом форуме будет проходить похожая дискуссия, посвященная Дальнему Востоку, и ее участники станут обсуждать, что делать дальше. У меня такой вопрос:

можете ли вы назвать событие, действие, изменение какого-нибудь показателя, закон, принятый в этом году, которые позволили бы с уверенностью сказать, что мы видим положительную динамику развития этого приоритетного региона? Что должно произойти за этот год, чтобы у вас укрепилась уверенность в том, что мы движемся в правильном направлении.

Владимир Александрович, начну с Вас, мы пойдем по кругу и завершим дискуссию.

В. Дмитриев:

С одной стороны, мне, наверное, проще, с другой — то, что я скажу, может показаться чем-то фантастическим и чрезмерно амбициозным. «Внешэкономбанк» и его структуры — это институты развития: в данном случае я говорю и о фонде, который возглавляет Павел Грачев, и о Российском фонде прямых инвестиций, во главе которого стоит мой однофамилец. Мне бы хотелось, чтобы структуры институтов развития стали, во-первых, тем самым «одним окном», которое принимает заявки и работает с инвесторами, а с другой — реальным интегратором программ, в том числе, данной государственной программы и федеральных целевых программ, которые реализуются различными министерствами и ведомствами. Практика показывает, что, к сожалению, одна рука не всегда знает, что делает другая, а программы, для реализации которых используются обе руки, часто не доводятся до конца или не осуществляются вовсе. И здесь очень важны интеграционные функции института развития: нужно, опять-таки, правильно администрировать процессы. Я бы хотел, чтобы через год мы уверенно сказали: «Инвесторы идут к нам, министерства и ведомства стали работать с нами плотнее».

Т. Маеда:

Да, мой совет российскому Дальнему Востоку — примкнуть к преуспевающим соседям и извлечь всю возможную выгоду из тех общих преимуществ, которыми он обладает. Например, воспользоваться тем, что

земля в этом регионе дешевле, чем в соседних странах, и с опорой на это преимущество построить там «умный город». Он может стать культурным и промышленным центром региона и продемонстрировать совместный технологический уровень Российской Федерации и, скажем, Японии. Во-вторых, у вас очень сильная атомная промышленность. В этой отрасли есть некоторые побочные продукты вроде радиационных технологий, которые можно применять в медицине. Почему бы не создать в этом регионе сеть клиник, где будут применяться самые передовые радиационные технологии? Это осуществимо. Можно устроить своего рода витрину достижений, опираясь на преимущества региона. Таков мой совет.

А. Волынец:

Я бы хотел увидеть в ближайший год три конкретных проекта, обязывающие документы, подписанные между российскими частными компаниями и азиатскими компаниями, по одному в Иркутской области, в Приморье и в Хабаровском крае. Тогда мы будем знать, что мы сдвинулись с мертвой точки.

Ху Бинг:

Я согласен с тем, что сказал господин Волынец. Так что, на мой взгляд, первым пунктом в повестке дня должно стать заключение некоего особого соглашения между российским Дальним Востоком и соседними странами. Не совсем такого, как Североамериканское соглашение о свободной торговле между Канадой и США, но чего-то подобного. Нужно срочно облегчить торговлю через границу. Чтобы попасть из Владивостока в Читу, мне нужно добираться через Пекин, иначе придется лететь в Москву и возвращаться оттуда. Но проблема в том, что на пересечение границы уходит четыре часа. Поэтому правительство обязано что-то сделать, чтобы облегчить перемещение рабочей силы и транспорта.

Второе, что я хочу упомянуть: федеральное правительство должно вложить огромные средства в транспортную инфраструктуру. Тогда сюда потянутся представители бизнеса. Без инфраструктуры вообще ничего

невозможно сделать. Надо, чтобы у вас появились промышленные зоны, особые экономические зоны, скоростные магистрали, железные дороги, хорошие аэропорты — иначе никакие бизнес-инвестиции будут невозможны. Например, я всего две недели назад прилетел во Владивосток, а там не оказалось ни одного пятизвездочного отеля. Почему? Говорят, потому что нет людей. Но это как в загадке про курицу и яйцо. Если есть отель, люди появятся, просто кто-то должен сделать первый шаг. Вы говорили, что не можете заставить людей из Москвы и Санкт-Петербурга перебираться во Владивосток, но если у вас там будут хорошие рабочие места, хорошая обстановка и хорошие зарплаты, люди появятся. Приведу в пример город Казань в Татарстане. Это не Дальний Восток, но это и не Москва и не Санкт-Петербург. Я был там дважды, поскольку у них есть технопарк в сфере высоких технологий «ИТ-парк». Там власти стремятся создавать большое число компаний, чтобы привлечь специалистов по информационным технологиям со всей России. Можно своими глазами увидеть их прогресс.

Последнее, что я хочу упомянуть. Надеюсь, что в течение года удастся очистить законодательство от множества устаревших законов, которые только портят обстановку для местного бизнеса и мешают ему. Например, всего год назад коллеги говорили мне, что если ты иностранец и прибыл во Владивосток, любой полицейский вправе остановить тебя и потребовать документы. Почему? Этого требует федеральное законодательство по соображениям государственной безопасности, так как Владивосток — приграничная территория. Однако в прошлом году этот закон отменили, и теперь по Владивостоку можно передвигаться свободно. Хотя всё это, казалось бы, мелочи, у людей возникает совсем другое ощущение. Вы же хотите, чтобы на Дальний Восток потянулись люди, чтобы они чувствовали, что это очень цивилизованный край. Ведь когда вы приезжаете в Европу или в разные другие страны, вас там никто не притесняет. И это на самом деле не притеснения, это просто устаревшие законы, поскольку раньше федеральное правительство считало, что Дальний Восток — не регион, который нужно развивать, а приграничный район, рубеж, который

необходимо защищать от врагов. А сейчас во всем мире царит мир, и нам надо относиться друг к другу иначе.

Е. Солженицын:

Теперь это экономический рубеж.

К сожалению, наше время вышло. Спасибо всем участникам этой дискуссии.